

RU

Военная проза 1940-1950-х годов в контексте традиции романа воспитания

Овсянникова Е. П.

Аннотация. В статье рассматривается военная проза 1940-1950-х годов, тяготеющая к традиции романа воспитания. Цель исследования – выявить специфику преломления традиции романа воспитания в советской военной прозе 1940-1950-х годов. Научная новизна состоит в том, что впервые отечественная военная проза рассматривается сквозь призму Bildungsroman. В результате установлено, во-первых, что путь становления героя проходит в ключевых хронотопах дороги, дома, локализованного в кругу семьи, и войны, ограничивающей его жизнь конкретным батальоном или частью. Во-вторых, время внутри хронотопа войны растягивается и замедляется, поскольку становление героя представлено не в масштабе конкретного временного периода, но в рамках самой войны, в связи с чем внутренняя метаморфоза персонажа, его перерождение занимает короткий временной промежуток. В-третьих, в становлении и воспитании героя военных повестей хронотоп выполняет несколько важнейших функций: пороговую, инициальную, регулирующую. В-четвертых, эсхатологическая граница, связанная с острым переживанием героем-командиром смерти, отсутствие рефлексии и постоянные испытания определяют его развитие как личности решительной, смелой, способной принимать решения и руководить коллективом.

EN

Military prose of the 1940s-1950s in the context of the Bildungsroman tradition

E. P. Ovsyannikova

Abstract. The paper examines military prose of the 1940s-1950s, which gravitates towards the tradition of the Bildungsroman. The aim of the study is to identify the specifics of how the Bildungsroman tradition is refracted in Soviet military prose of the 1940s-1950s. The scientific originality lies in the fact that, for the first time, Soviet military prose is examined through the lens of the Bildungsroman. As a result, it has been established, firstly, that the hero's path of development takes place within the key chronotopes of the road, home, localized within the family circle, and war, which limits his life to a specific battalion or unit. Secondly, time within the chronotope of war stretches and slows down, as the hero's development is presented not on the scale of a specific time period, but within the war itself, in connection with which the character's internal metamorphosis, his rebirth, occupies a short period of time. Thirdly, in the formation and upbringing of the hero in war novellas, the chronotope performs several crucial functions: threshold, initiatory, and regulatory. Fourthly, the eschatological boundary, associated with the commander-hero's acute experience of death, the absence of reflection, and constant trials, determines his development as a decisive, brave personality, capable of making decisions and leading a collective.

Введение

Учитывая справедливое замечание М. М. Бахтина (1975) о том, что роман воспитания находится в процессе постоянного становления, а также принимая во внимание пристальный интерес отечественного и западного литературоведения к проблеме жанра и вопросам жанрообразования (Лейдерман, 2010), актуальность нашего исследования очевидна: она обусловлена необходимостью анализа традиции романа воспитания как наиболее «востребованной» разновидности романа в русской словесности – от XIX столетия к последним десятилетиям, что позволит уточнить представление о его генезисе, выявить этапы его становления, специфику Bildungsroman в разные исторические периоды развития отечественной прозы. Весьма примечательна в этом контексте военная проза 1940-1950-х годов, соединившая в себе, как это ни парадоксально, опыт соцреализма и традицию Bildungsroman.

Ключевыми задачами настоящего исследования стали следующие: выявить специфику хронотопа военных повестей, тяготеющих к традиции Bildungsroman; осмыслить своеобразие репрезентации героя-командира в военных повестях 1940-1950-х годов.

Материалом статьи послужили военные повести 1940-1950-х годов, продолжающие традицию романа воспитания: «Орлы над Хинганом» Г. Маркова, «Ночь полководца» Г. Березко, «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева, «Двое в степи» Э. Казакевича, «Честь смолоду» А. Первенцева, «Зеленый луч» Л. Соболева, «Алексей Куликов, боец» Б. Горбатова.

Ключевыми методами нашего исследования являются, во-первых, метод целостного анализа художественного произведения, благодаря которому отечественная военная проза рассматривается в единстве поэтики и проблематики; во-вторых, сравнительно-исторический, который позволил нам сопоставить повести избранных прозаиков; в-третьих, типологический метод, с помощью которого мы выявляем типологию функций хронотопа в военных повестях 1940-1950-х годов.

Теоретическую базу статьи составляют, во-первых, работы, посвященные осмыслению традиции романа воспитания, его типологии и жанровым признакам (Бахтин, 1975; 1986; Демченкова, 2001; Диалектова, 1972; Краснощекова, 2008; Пашигорев, 2005); во-вторых, отечественные и западные исследования специфики литературы соцреализма, в которых не только анализируется канон, но и вычленяются ключевые особенности соцреалистического романа и «признаки» типичного героя-протагониста (Биберган, Богданова, 2024; Гюнтер, 2000; Clark, 2000).

Практическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы, результаты и выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы XX века, спецкурсах, посвященных жанровой специфике романа воспитания, а также прозе о Великой Отечественной войне.

Обсуждение и результаты

Специфика хронотопа военных повестей 1940-1950-х гг.

Внезапность наступления войны в сюжетном повествовании повестей, как правило, актуализирует авантюрный элемент и в воспитательном процессе протагониста делает действие основным инструментом формирования характера. Если на смену рефлексизирующему герою модернистского романа пришел соцреалистический герой, формирующийся в ситуации испытания (рефлексия перестает играть основополагающую роль в становлении), то в военных повестях 1940-1950-х гг. влияние авантюры в становлении протагониста крайне заостряется. Это может быть объяснено тем, что в условиях военного времени был необходим в первую очередь человек действия – личность выковывается в моментах внезапности, нехватки времени, необходимости принятия мгновенных решений. Роль случая впервые обрушивается на героя с началом войны, с появлением в романе ее хронотопа. Столкновение с реальностью происходит неожиданно и зачастую дается в сопоставлении с той мирной жизнью, которая была у героя до этого. В повести «Орлы над Хинганом» «этот день становится в жизни Филиппа вехой: потекла жизнь по другому руслу» (Марков, 1985, с. 6), герой ощущает себя под «колпаком», из которого отчаянно желает вырваться. В повести Б. Горбатова Алексея Куликова призывают в первый день войны, «не вовремя» – «урожай еще не сняли» (1954, с. 149). Для Сергея Лагунова («Честь смолоду») война приходит «просто» (Первенцев, 2020, с. 84), однако уже вскоре она предстает перед героем как «тяжелая, каждодневная работа-лямка: кровь, мухи, пыль» (Первенцев, 2020, с. 105). Влияние авантюрного хронотопа в повестях особенно ощущается в испытаниях первого/кульминационного боя или первого боевого задания, в которых, как правило, все события происходят вопреки воле самого героя. Как бы ни пытался Ермаков («Батальоны просят огня» Ю. Бондарева) изменить в Ново-Михайловке ход боев, те все равно проходят жесточайшим путем потерь, оставляя в герое след личностного взросления. Огарков при выполнении первого задания плутает у хутора Павловский в плену домыслов встречающихся по пути бойцов, невесть откуда навалившегося тумана, нелепой потери коня. Случай подсказывает Решетникову идею зеленого луча именно в тот момент, когда он ничего не может придумать (Соболев, 1967, с. 149).

Хронотоп войны в военной повести 1940-1950-х годов представляет замкнутый мир, предельно сжатый до батальона или места сражения. Во-первых, это то пространство, за пределы которого невозможно выйти, граница которого непреодолима для героя. Если вспомнить, что в классическом романе воспитания герой познавал мир через постепенное расширение пространства – маленькое локальное пространство родительского дома сменялось выходом в большой и неизвестный мир, то здесь герой из одного локального хронотопа (родная семья, дом) попадает в другой локальный хронотоп (война, ограничивающая его жизнь конкретным окопом, батальоном или частью). Во-вторых, с точки зрения времени, война не имеет четких границ, поэтому внутри этого хронотопа время замедляется и растягивается: фактическое время перестает играть роль – взросление героя в романе представлено не в масштабе лет, но в рамках самой войны, реже – боя. Это объясняет предельное сжатие воспитательного процесса героя, а значит, и времени самой повести. В предельно короткие сроки – несколько недель – растут лейтенант Огарков («Двое в степи»), Уланов («Ночь полководца»); буквально в считанные дни в душе генерала Рябинина («Ночь полководца») происходит метаморфоза, несколько месяцев Алексей Куликов («Алексей Куликов, боец») проходит свой путь взросления. В некоторых повестях кульминация этого пути приходится на этап скитаний или блужданий героя, в которых хронотоп долгой дороги, не имеющей видимого конца, как бы совсем останавливает время. В повести Ю. Бондарева

для Ермакова путь этот начинается в тот момент, когда он решается взять ответственность за уцелевшую часть батальона на себя и вывести бойцов из окружения. Однако эта дорога к краю обороны, туда, где должен быть выход, ощущается как движение «вслепую» и в конечном итоге приводит к тотальному одиночеству героя: «Один он шел по непроницаемому лесу в дремотном шорохе капель. Он остался один-единственный из всего батальона, прорвавшийся сюда сквозь заслон танков на берегу. С ним были только сумка лейтенанта Прошина, сумка майора Бульбанюка, документы и ордена братьев Березкиных, документы и ордена Жорки Витьковского» (Бондарев, 1984, с. 128). Именно там, в лесу, в точке тотальной остановки времени, моменте вневременного состояния, Ермаков не понимает, зачем жить дальше, и тем самым переживает собственную символическую смерть: «Я остался один. Так разве это не смерть? И зачем я еще живу, когда все погибли?...» (Бондарев, 1984, с. 128). В повести Э. Казакевича бесприютность скитаний по степи, кажущихся бесконечными, после смерти Джурабаева приводит Огаркова на перепутье, в ту же точку тотальной остановки времени: «Он вдруг почувствовал себя человеком, лишенным жизненной опоры и какой-либо видимой цели. Ему казалось, что только что оборвалась последняя связь его с окружающим миром и весь мир отодвинулся в туманную глубину, оставив его, Огаркова, в полном одиночестве среди малинника и больших одуванчиков» (1990, с. 312). «Крестным путем» шествует и Алексей Куликов, чтобы в конце осознать: «...до тех пор воевать, пока не уничтожим врага» (Горбатов, 1954, с. 163). При этом мотив одиночества, нередко сопровождающий скитания героя, не имеет такого значения, как в каноне соцреализма, – он не является наказанием героя за совершенный проступок. Соединяясь с хронотопом дороги в точке окончательной остановки времени, он переводит героя во вневременной план, как бы изымает его из действительности и в переживании символической смерти сводит его «до нуля». За этим пороговым моментом, как правило, следует осознанный выбор героя, меняющий всю его последующую жизнь.

В военных повестях о становлении героя, на наш взгляд, отчетливо выделяются функции локального хронотопа (лагерь, окоп, госпиталь, трибунал). Во-первых, это *пороговая функция* – каждая локация повестей представляет собой грань между жизнью и смертью, своими и чужими, честью и предательством, победой и поражением. В повести Казакевича «Двое в степи» именно суд трибунала проводит черту между прошлой несознательной жизнью Огаркова и его последующим становлением в военной семье. Кроме того, именно на суде он слышит слова майора и осознает свою ответственность за гибель дивизии. То есть в данном случае трибунал становится как бы триггером, запускающим процесс переосмысления и поступка, приведшего к трагедии, и всей прошлой жизни. Госпиталь и, в частности, больничная койка в повести Г. Березко «Ночь полководца» становятся местом откровения как для Уланова, так и для генерала Рябинина, переосмысливающего ценность даже не своей жизни, а жизни каждого рядового бойца, находящегося у него в подчинении – решающей ночью он слышит канонаду, но думает совсем о другом: «Рябинин скупой улыбнулся, подумав о том, что канонаду слышат все в медсанбате, что она разбудила, быть может, Никитина и сержанта с цыганскими глазами» (1972, с. 168). Бой в Хинганских горах для бойцов Егорова становится своеобразным экзаменом, возможностью подвести итог четырехлетним усердным учениям на границе, прежде моментами казавшимся бесцельными. Отметим, что решающий бой происходит в горах, месте, резко противопоставленном тому, в котором провели годы учений бойцы, – степи. Это может быть объяснено хронотопом, в котором степь как место учений, символизирующее развернутое время, не имеющее четких границ, сменяется местом проверки, предельно концентрирующим время, требующим моментальных решений и подвигов. Тот же локальный хронотоп «высоты» повторяется и в романе «Честь смолоду» А. Первенцева: именно в бою на высоте 142,2 Сергей высказывает верность коммунистической партии – он не допускает возможность смерти, не будучи в ее рядах: «Прошу принять меня в ряды Всесоюзной коммунистической партии большевиков, партии Ленина – Сталина... Клянусь мужественно выполнить свой долг перед родиной. Если суждено погибнуть в бою, прошу считать меня коммунистом...» (2020, с. 219).

В связи с этим можно также говорить и об *инициационной функции* хронотопа, потому как рождение героя в повестях, как правило, происходит в физическом дискомфорте через боль и страх. Именно локальный хронотоп (лагерь, окоп, госпиталь, трибунал) запускает процесс становления, принуждая персонажа пройти через предельные телесные состояния. Эти топосы в военной повести формируют особую «зону испытания», в которой распадаются привычные координаты и меняется прежнее самосознание. Именно телесность делает этот опыт необратимым: не абстрактная идея, а непосредственное переживание дискомфорта, холода, усталости, вида крови задают процесс трансформации героя (Осьмухина, 2025). Время в таких эпизодах почти всегда сгущено: сумерки, туман, ожидание боя – любое «между» усиливает лиминальность. Пространство тоже работает как инструмент инициации: лес, болото, пограничный мост, порог дома, берег реки – все они маркируют разрыв с прошлым и предвосхищают новое состояние героя. Хронотоп в данном случае является катализатором: он задает ритм роста героя.

Выше мы уже обращали внимание на особое влияние соцреалистического канона на военную повесть 1940-1950-х гг. Поскольку соцреалистический герой неизменно растет к будущему, можно выделить также *регулирующую функцию* хронотопа, который все время ставит героя перед выбором. Беспредельная степь, не имеющая зримых границ, отражает человеческую жизнь, необозримую человеческим глазом. В повести «Двое в степи» своей необозримостью и бесприютностью она ставит перед Огарковым ряд вопросов: какова цена трусости и что такое ответственность за доверие людей, пусть даже случайных? Каков должен быть свободный нравственный выбор человека вне каких-либо определяющих обстоятельств, ведь смерть Джурабаева физически освобождает его? Фактически, сталкиваясь с этими вопросами, Огарков растет и проходит свой путь становления. Таким образом, можно полагать, что в рамках соцреалистического канона хронотоп программирует вектор движения героя к подвигу.

Также рассматривая влияние соцреалистического канона на военную повесть 1940-1950-х гг., необходимо отметить, что в ней переосмысливается соцреалистический миф о «светлом будущем». Хотя в военных повестях сохраняется характерная для канона соцреализма безостановочная устремленность в будущее, само оно при этом становится попыткой вырваться за пределы войны, потому как если настоящее – война – ощущается как смерть, то светлое будущее – не иначе как возможность жить. Неспроста война для Решетникова в повести «Зеленый луч» освещает это желанное будущее, стоящее за победой: «Представить его себе было невозможно, он мог лишь угадывать впереди нечто огромное, счастливое, ликующее – жизнь» (Соболев, 1967, с. 95).

Специфика репрезентации героя-командира в военных повестях 1940-1950-х гг.

Военная проза 1940-1950-х гг., транслирующая жанровую традицию романа воспитания, репрезентует два ключевых типа становящегося персонажа: бойца и командира, причем именно второй тип становления характеризуется изначально сформированным героем, отдельные качества которого, необходимые для командования, подвергаются воспитанию. Можно сказать, что для потенциального командира в нарративе военной повести изначально уже характерны все те качества, которые подвергались формированию в первом типе – мужество, героизм, решительность, – однако для командования этого оказывается недостаточно. В становлении героя-командира нет первого боя, но есть рядовые бои, в которых протагонисту не раз приходится, «стоя впереди пехоты, стрелять по танкам» (Бондарев, 1984, с. 42) и чувствовать почти мифическое бесстрашие. Поэтому в первую очередь необходимо осмыслить, идет ли речь о взрослении героя этого типа. На первый взгляд, может показаться, что герой не «растет», а лишь осваивает необходимые командирские навыки – основные черты личности не подвергаются изменению. Однако в характер героя-командира привносится особенная черта, нетипичная для других, необходимая лишь для его командирского становления, а потому именно развитие ее в нарративе позволяет говорить о его личностном взрослении. В Борисе Ермакове («Батальоны просят огня»), безрассудном, «пудрачки, по-ослиному» привыкшем ловить пули (Бондарев, 1984, с. 12), симпатизировавшем «горячной безбашенности» старшего лейтенанта Орлова, чем излишне осмотрительному и расчетливому Бульбанюку» (Бондарев, 1984, с. 51), и легкомысленно флиртовавшем с женщинами, – это формирование чувства ответственности. Оно происходит в том числе и через любовную линию с Шурой, в свободных отношениях с которой поначалу он не испытывает чувства вины, «не признавая на войне ложных образцов добродетели» (Бондарев, 1984, с. 64). В генерале Рябинине («Ночь полководца»), холодно и внимательно раздающем трудновыполнимые боевые задачи – обретение чувства жалости и любви к бойцам. В Филиппе Егорове («Орлы над Хинганом») – выработка полного доверия к приказам, готовности ко всему, даже к внешнему, казалось бы, бездействию: «Теперь кажется оправданным наше четырехлетнее сидение на границе и все пережитое и пережитое в те годы. Быть ко всему готовым – вот мой девиз» (Марков, 1985, с. 181). В Сергее Лагунове («Честь смолоду») – формирование рассудительности и преодоление необузданных разумом чувств. В конечном счете точечное воспитание этих качеств в каждом герое приводит к формированию полноценного образа командира. В связи с этим можно заметить, что в данном типе становления отсутствует резкое сопоставление героя до/после.

Весьма примечательно, что в ряде военных повестей, описывающих тип становления героя-командира, нарратив строится таким образом, что на первый план в формировании бойца выходит определенная идея. Так, например, в повести «Зеленый луч» – это мечта о море. В связи с этим возникает закономерный вопрос, не реализуется ли в этом типе субжанр романа воспитания соцреалистического периода – роман фигуры, для которого, напомним, характерно воспитание не самого героя, но его идеи? Напомним, что для утвердительного ответа на этот вопрос необходимо, чтобы повесть отвечала следующим признаками субжанра: константный герой-типаж, идеологически представленный как *tabula rasa*, но сформированный в личностном плане; на первый план выходит самооценочность идеи, сама жизнь протагониста при этом программируется в прямой зависимости от нее. В повести «Зеленый луч» нельзя говорить о константности героя, сохраняющейся от начала и до конца повествования. Так, в начале повести Решетников подвержен колебаниям, на которые указывает ему Ершов: «Сам посуди, можно ли тебе уже верить как человеку сложившемуся, если ты увидел крейсер и решил: “Военная служба”, а показали “Дежнева”, – наоборот: “Иду на торговые суда”» (Соболев, 1967, с. 60). Неуверенность сопровождает Решетникова и много позже, когда он уже назначен командиром катера и служит в этой должности две недели: «Целых две недели глубокомысленно решал вопрос, командир он или не командир, когда надо было просто становиться им» (Соболев, 1967, с. 110). Не идея программирует жизненный путь Решетникова, но само его взросление делает идею осуществимой: вожденный зеленый луч возникает в его жизни именно в тот момент, когда колебаться больше нельзя – именно он рекомендовал Хазова для участия в операции, и именно он теперь отвечает за его жизнь, а потому остается только одно – действовать (Соболев, 1967, с. 145). В связи с этим необходимо заключить, что говорить о субжанре романа фигуры в военных повестях 1940-1950-х гг. не представляется возможным.

Как правило, возраст героя-командира не имеет решающего значения, в отличие от типа героя-бойца. Более того, для данного типа героя сочетание внешней юности (в повести «Зеленый луч» даже мальчишескости) и мужества не выглядит парадоксальным. В этом типе пожилой генерал Рябинин («Ночь полководца»), Филипп Егоров («Орлы над Хинганом»), человек средних лет и двадцатилетний Решетников («Зеленый луч») – равнозначны. Их возрастные различия нивелируются благодаря бесстрашию, решимости и самоотверженности, которые в соцреалистической системе координат становятся определяющими характеристиками персонажа. Тем самым формируется тип воина-защитника, чья внутренняя зрелость измеряется не количеством прожитых лет, но степенью включенности в общее дело и готовностью к самопожертвованию во имя Родины.

Весьма примечательно, что некоторые повести 1940-1950-х гг. транслируют сразу два типа становления героев, которые даны в повести параллельно. Таким образом, учитывая, что в одном нарративе происходит становление двух героев, можно полагать, что традиция романа воспитания в военных повестях – изначально в классическом варианте жанра моноцентричного – допускает отдельные отклонения от жанрового канона. Так, в повести Г. Березко «Ночь полководца» происходит личностная трансформация как бойца Уланова, так и командира – генерала Рябикина, в повести Г. Маркова «Орлы над Хинганом» читатель наблюдает за одновременным ростом бойца Шленкина и командира Егорова. Поскольку для традиции романа воспитания моноцентризм является основополагающим признаком, – ведь именно изменения, происходящие с главным героем, согласно М. М. Бахтину, «перестраивают весь сюжет романа» (1986, с. 445), то есть организуют его структуру и хронотоп, – необходимо выявить причины корректировки жанровой традиции именно в военной повести. Важнейшая причина, на наш взгляд, – влияние соцреалистического контекста, требующего от литературы формирования в читателе подлинного коммунистического сознания. Образцом советского человека должна была быть личность одновременно храбрая, решительная, жертвенная и способная при необходимости руководить коллективом. Поэтому нарратив, в котором даны две параллельно развивающиеся линии воспитания, – воина, личное мужество которого подвергается формированию, и командира, готового взять на себя ответственность за каждого бойца, – репрезентуют нормативный тип советского гражданина, которого и следует воспитать.

Заключение

Подводя итог анализу специфики военной повести 1940-1950-х гг., репрезентации образа героя-командира в ней, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, очевидно влияние соцреалистического канона на военную повесть, однако оно носит инерционный характер: хотя ряд повестей внешним устройством – схематизмом и заданностью траектории движения героя – отсылают к «роману фигуры» как субжанру соцреалистического романа воспитания, однако следует признать, что его собственно жанровая сущность в военных повестях реализована не была. Это же относится и к субжанру романа перевоспитания, внешние черты которого (кардинальная перемена героя) прочитываются в повестях. Таким образом, было выявлено, что в 1940-1950-х гг. военная повесть обращается к классическому типу воспитания героя.

Во-вторых, в военных повестях центральной становится эсхатологическая граница: мысль о смерти, а также переживание собственной символической смерти являются толчком к росту героя. Кроме того, временная сжатость повествования приводит к тому, что взросление совершается не плавным ростом героя, а фазовым переходом – скачкообразной трансформацией: соцреалистический персонаж, герой-командир, формируется в режиме испытаний – рефлексия утрачивает статус ведущего механизма развития. В военных повестях 1940-1950-х гг. эта установка доводится до предела: резко акцентируется авантюрное начало в становлении протагониста. Причина очевидна: война требовала «человека действия» – личность «закаляется» в моментах внезапности и дефиците времени.

Перспективой исследования может стать анализ обширного пласта художественных произведений эпохи «оттепели», продолжающих традицию Bildungsroman («Звездный билет» В. Аксенова, «Хроника времен Виктора Подгурского» А. Гладилина и др.), особенно с учетом того, что «оттепельные» тексты повествуют об экзистенциальных поисках истины, так или иначе переосмысливая классический Bildungsroman.

Материалы исследования | Research materials

1. Березко Г. С. Ночь полководца. М.: Воениздат, 1972.
2. Бондарев Ю. В. Батальоны просят огня. Последние залпы. М.: Современник, 1984.
3. Горбатов Б. Л. Военные годы: повести, рассказы, очерки. М.: Советский писатель, 1954.
4. Казакевич Э. Г. Сердце друга. М.: Воениздат, 1990.
5. Марков Г. М. Орлы над Хинганом. М.: Советский писатель, 1985.
6. Первенцев А. А. Честь смолоду. М.: Вече, 2020.
7. Соболев Л. С. Зеленый луч. М.: Советская Россия, 1967.

Источники | References

1. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. Изд-е 2-е. М.: Искусство, 1986.
3. Биберган Е. С., Богданова О. В. Концептуальные стратегии пост(соц)реализма (роман А. Тургенева «Чтобы бог тебя изнутри разорвал на куски!») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 2. <https://doi.org/10.30853/phil20240077>

4. Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. М.: Академический Проект, 2000.
5. Демченкова Э. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания: жанр и поэтика: автореф. дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2001.
6. Диалектова А. В. Воспитательный роман Х. М. Виланда «История Агатона»: дисс. ... к. филол. н. М., 1972.
7. Краснощекова Е. А. Роман воспитания. Bildungsroman на русской почве: Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2008.
8. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Екатеринбург: Словесник, 2010.
9. Осьмухина О. Ю. «...Может быть, праведники спасутся»: художественное своеобразие рассказа В. Гроссмана «Тиргартен» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2025. Т. 26. Вып. 2.
10. Пашигорев В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII-XX веков. Генезис и эволюция: дисс. ... д. филол. н. Ростов н/Д, 2005.
11. Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Bloomington: Indiana University Press, 2000.

Финансирование | Funding

- RU** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.
- EN** The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-01007, <https://rscf.ru/en/project/23-18-01007/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Информация об авторах | Author information

- RU** **Овсянникова Екатерина Павловна¹**
¹ Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, г. Санкт-Петербург;
 Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, г. Саранск
- EN** **Ekaterina Pavlovna Ovsyannikova¹**
¹ Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg;
 National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
- ¹ ovsyannikova-kate@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.10.2025; опубликовано online (published online): 01.12.2025.

Ключевые слова (keywords): отечественная военная проза 1940-1950-х годов; традиция Bildungsroman в военной прозе; тип героя-командира в советской прозе 1940-1950-х годов; традиции соцреализма в военных повестях; субжанр романа перевоспитания; Soviet military prose of the 1940s-1950s; Bildungsroman tradition in military prose; Soviet commander hero in prose from the 1940s-1950s; Socialist Realist traditions in war novellas; subgenre of re-Bildungsroman.